

С.М. Николаев

Воспоминания старожила ИГиГ

Как быстро летит время! Кажется, совсем недавно, сразу после окончания ТПИ, 1 апреля 1957 г. я стал самым молодым младшим научным сотрудником Горно-геологического института (ГГИ) ЗСФАН. Уже через два месяца геология выделилась в самостоятельный Институт геологии, обязанности директора-организатора были возложены на ученого секретаря ГГИ В.М. Клярковского. Прошло 55 лет, и теперь я, похоже, один из старейших сотрудников по стажу работы в институте, пока еще находящийся (на «четвертинке») в его штате.

В институте меня сразу подключили в числе соисполнителей к семейному дуэту В.М. Клярковский–Н.Х. Белоус на пятилетнюю тему СОПСа АН СССР по исследованию железорудных месторождений юга Красноярского края. Ранее студентом-дипломником ГРФ ТПИ я весь полевой сезон 1956 г. проработал в составе их экспедиционного отряда, а затем три месяца занимался в ГГИ камеральной обработкой собранного материала для своей дипломной работы. Моим непосредственным шефом стал Вениамин Михайлович – зав. лабораторией абсолютного возраста, в штате которой я находился. Это был исключительно мягкий, доброжелательный и дипломатичный человек.

В августе 1959 г. мы с женой и дочкой первыми из сотрудников ИГиГ переехали на жительство в Академгородок, вслед за нами – Архиповы, Дмитриевы, Залетаевы, Соловьёвы. Там только что сдали в эксплуатацию два жилых трехэтажных кирпичных дома (теперь это ул. Терешковой, 18 и 20) напротив современного рынка и гаражей. Рядом была кочегарка, отапливавшая всю верхнюю зону. Через пару месяцев в микрорайоне «А» сдали еще несколько домов, и они стали быстро заполняться.

В самых первых построенных домах на кухне были установлены обычные печи и к каждому подъезду подведены трубы под газ. Тогда еще не было окончательного решения по энергоснабжению городка: газифицировать его или ставить электропечи. Объединенный профсоюзный Комитет и комитет комсомола СО АН провели несколько собраний жильцов для обсуждения вопроса – что хотим иметь в своих квартирах: дешевый, но пожаро- и взрывоопасный газ либо электрические печи (в последнем случае стоимость киловатт-часа, согласно существовавшему законодательству, снижалась вдвое). Подавляющим числом голосов жителей была дана рекомендация Президиуму СО АН остановиться на электричестве.

Первые годы весь городок был сплошной строительной площадкой, но во многом благодаря стараниям М.А. Лаврентьева и усилиям ЛОС деревья максимально берегли, вырубая их выборочно. Сегодня же строители бесконтрольно рубят абсолютно всё, несмотря на протесты населения. Не припомню случая, чтобы в то время во дворах или в лесу жители выбрасывали бытовой мусор. Поэтому не было мышей и, соответственно, обилия клещей, как в наши дни.

С.М. Николаев,
первый секретарь
Комитета ВЛКСМ
СО АН СССР. 1959 г.

В подъезде дома № 18 по ул. Обводной (ныне ул. Терешковой) несколько лет работал единственный на верхнюю зону продовольственный магазин, отличающийся весьма хорошим по тем временам ассортиментом товаров первой необходимости. Свежее молоко первые лет пять развозили по городку во флягах. Ежедневно в любую погоду дородная молочница Валя, ловко орудуя флягами, расставленными у разных домов верхней зоны, открывала двери в подъезды и зычным голосом кричала: «Молоко! Кому молока?!» Люди выходили с бидонами, покупали молоко, и она шла к следующему дому – всё повторялось заново. К этому так привыкли, что когда первоклашек в школе однажды спросили, как кричит корова, которая дает молоко, они ответили фразой нашей молочницы.

В здании на углу Морского проспекта и ул. Обводной (Терешковой) на разных этажах размещались общежитие, поликлиника, скорая помощь и больница. Значительно позже построили современную поликлинику, но первоначально она функционировала как гостиница, также в ней разместили и некоторых семейных сотрудников, не имеющих пока жилья. Вечерами в воскресные и праздничные дни в коридорах верхних этажей общежития молодежь устраивала танцы, к большому неудовольствию коменданта. Во все времена коменданты общежитий, по-видимому, одинаковы: они без конца жалуются на жильцов, и мне, как секретарю Комитета ВЛКСМ СО АН, приходилось постоянно утрясать эти споры в Управлении делами Сибирского отделения, отстаивая интересы молодежи.

Более года в Академгородке функционировал лишь один корпус-первенец – Институт гидродинамики (ИГ). В нем находились также лаборатории ИТПМ и ряда других институтов, но значительная часть сотрудников, получивших жилье в городке, продолжали еще ездить на работу в город, причем возили бесплатно. В семь утра – отправление кавалькады служебных автобусов от ИГ в город, на Советскую, 20 (18). Бердское шоссе тогда перестраивали, расширяли, так что ездить приходилось то по уже проложенной бетонке, то по разбитым обочинам – в объезд. Поездка в переполненных маленьких и холодных автобусах занимала около двух часов в один конец. Все мы знали друг друга, и не припомню случая, чтобы в автобусах мужчины сидели, а женщины стояли. Вечером от городской площади в 18.00 мы отправлялись в обратный путь. Постоянно действующих рейсовых автобусов не было – в кино или театр не сходить, последних задержавшихся на работе сотрудников забирал один рейс в 20.00, частные машины можно было сосчитать по пальцам.

Так выглядели коридоры ИГиГ в 1959 г.

Первое детское учреждение – ясли – открыли месяца через три в обычной трехкомнатной малометражке (ныне ул. Терешковой, 22). А до этого некоторые семьи вынуждены были объединяться по уходу за детьми. Раз в четыре дня каждый из родителей брал работу домой и оставался там со своим и соседским малышом, по возможности пытаясь и поработать. Мы, например, скооперировались с семьей к.г.-м.н. С.А. Архипова (ИГиГ) и нянчились по очереди с двумя двухгодовалыми девочками, пока не открылись первые ясли. Большая часть молодых специалистов, как это чаще всего бывает, нашли свои половинки еще в

вузах и приехали в Сибирь уже парами, поэтому в Академгородке было особенно много детей. Как у нас говорили, «мы ходим по колено в детях», и почему-то было больше девочек – объясняли это тем, что у «научных сотрудников чего-то не хватает»!

В последующем строительство яслей и садиков не поспевало за рождаемостью, и руководство институтов стало выделять из своего лимита полнотражные трехкомнатные квартиры для временных детских учреждений. На общественных началах выбирался родительский комитет и его председатель. Такой общественный садик организовали и в ИГиГ, председателем его была моя супруга – Ирина Николаева. Собирали деньги, нанимали на работу повара, а родители по очереди дежурили как нянечки-воспитательницы. Одна из комнат была игровой, две другие – оборудованы под спальни. Заблаговременно разрабатывалось меню на каждый день, дежурные родители приобретали и приносили продукты, велся строгий бухгалтерский учет. Такой садик вмещал 15–20 детей, что позволяло их родителям спокойно работать.

Во второй половине 1960 г. был сдан в эксплуатацию главный корпус института, хотя по его торцам еще велись строительные работы. К тому времени я уже полгода был единственным сотрудником ИГиГ, имевшим в своем распоряжении отдельный кабинет (ныне здесь кухня нашей столовой) с подведенным электричеством, водой. Там стоял рабочий стол с микроскопами и находилась часть моих полевых коллекций. Правда, добраться до них можно было, перепрыгивая через кучи строительного мусора. Кабинет мне подготовили комсомольцы «Сибакademстроя», так как по комсомольским делам один-два дня в неделю я вынужден был оставаться в Академгородке (заседания бюро РК ВЛКСМ, комсомольские собрания институтов в корпусе Гидродинамики, общественные мероприятия строителей). Днем работал с коллекциями, к концу работы уходил по молодежным общественным делам.

Сдачу в эксплуатацию нашего института мы отметили скромным банкетом в конференц-зале, куда снесли из лабораторий столы и стулья. На почетном месте – А.А. Трофимук, В.С. Соболев, Ю.А. Косыгин с супругами, руководители строительных работ. Председатель профкома ИГиГ И.М. Волохов зачитал сочиненный им по этому поводу юмористический опус в стихах. Подняли тосты за строителей, геологов и тех, кто был инициатором создания большой науки в Сибири.

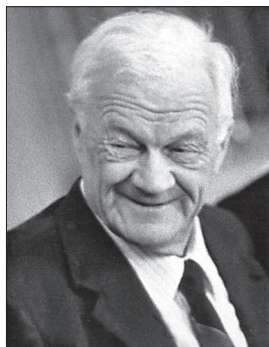
Когда встал вопрос об организации группы пробоподготовки в ИГиГ и размещении полевых коллекций сотрудников, мой шеф В.М. Кляровский поручил мне ознакомиться с положением дел в этой области и сделать заказы через УМТС для приобретения институтом дробилок, мельниц, аппаратуры по разделению минералов, изготовлению шлифов, аншлифов и приполировок. Занимаясь этим, я поработал в Ленинской библиотеке, посетил соответствующие лаборатории ряда институтов Москвы (ГИН, ИГЕМ, Горный институт) и Ленинграда (Механобр, Гипроникель, ВСЕГЕИ), познакомился с имеющейся там техникой, аналитической аппаратурой, техническими характеристиками оборудования, переговорил со специалистами, выяснил, что и где производится, посетил пару выставок зарубежной аппаратуры и техники в Москве.

Новоселье в ИГиГ. За столиком – гл. инженер С.М. Жданов. 1961 г.

Сотрудники готовятся отмечать новоселье в конференц-зале ИГиГ. На переднем плане – И.М. Волохов. 1961 г.

Академик Ю.А. Кузнецов

Вернувшись, сделал с одобрения руководства ИГиГ заказы через «Центракадемнаб», подготовил в главном корпусе помещения для оборудования и участвовал в получении его на свой подотчет. Встал вопрос о строительстве специального аналитического корпуса, и мне поручили сформулировать техническое задание архитекторам для проектирования и строительства нынешнего корпуса хранилища и размещения в нем аппаратуры, станков и экспедиционных коллекций. Пришлось даже оценивать объем и вес складываемых образцов на перспективу, что необходимо было проектировщикам для инженерных расчетов. С приходом в институт высококлассного специалиста С.И. Голосова я передал ему числящуюся за мной технику, вежливо отказавшись далее заниматься механохимией. Я решил продолжить свои четырехлетние исследования железорудных месторождений.

Г.Л. Поспелов и В.А. Кузнецов посоветовали мне перейти в только что созданную в ИГиГ лабораторию Ю.А. Кузнецова и посодействовали этому. В лаборатории магматических формаций я сразу влился в близкий мне еще по Томску коллектив Г.В. Полякова, занимавшийся изучением железоносных интрузий юга Красноярского края. Глеб Владимирович в ТПИ был руководителем моей дипломной работы по Абаканскому месторождению, а в последующем мы нередко работали с его группой «на параллелях» на одних и тех же объектах.

В качестве объекта для кандидатской диссертации я выбрал Абаканское комплексное кобальт-железорудное месторождение. К тому времени я уже описал весь имеющийся керн (25 пог. км) геолого-разведочных скважин, сотни шлифов и аншлифов, облазил все карьеры, отвалы и подземные горные выработки. Я был убежден, что тема диссертации будет поддержана Юрием Алексеевичем, опубликовавшим в 1929 г. по этому объекту первую свою монографию, которая стала его кандидатской диссертацией. Однако за тридцать лет разведки и промышленного освоения был получен огромный новый материал. Как заведующий лабораторией Ю.А. считал диссертации делом личным, но на заключительном этапе разгружал сотрудника от других дел, оказывая ему всяческое содействие. Практически все научные сотрудники его лаборатории засиживались за работой в институте до глубокой ночи. К 1965 г. встал вопрос о защите диссертации, но во время футбольного матча-реванша «геофизики против геологов» (обе игры мы выиграли!) я неудачно сыграл головой и получил сильнейшее сотрясение мозга: ЦКБ, НИИТО, курорт Белокуриха... Лишь через год я защитил кандидатскую.

Ю.А. Кузнецов с учениками — к.г.-м.н. Е.С. Сергеевой и Г.В. Поляковым. 1957 г.

Почти семь лет я провел в лаборатории Юрия Алексеевича и до сих вспоминаю их с большой благодарностью. Убежден, что это была лучшая лаборатория ИГиГ, с великолепным рабочим климатом, обстановкой доброжелательства и взаимопомощи. Во всем этом заслуга ее заведующего. Обладая большим жизненным опытом, мудростью и энциклопедическими знаниями, Ю.А. объединял вокруг себя как молодежь, так и более зрелых учеников. Его умение ставить актуальные задачи, увидеть в каждом сотруднике сильные стороны позволило создать в лаборатории творческий климат. Он умел аккуратно направлять нас, вовремя

давая ненавязчивые советы, подсказывая, как избежать возможных ошибок.

Само поведение Юрия Алексеевича исключало любые нездоровые отношения в коллективе. Если возникали какие-то дискуссии, он не навязывал свою точку зрения, а подбрасывал необходимую для решения вопроса статью или книгу, которые убедительно противоречили выводу его сотрудника, предлагая почитать и подумать. Он был лишен менторства, после общения с ним всегда появлялось «второе дыхание». Видя, что все мы работаем допоздна с интересом и огоньком, он не мешал этому. В разговорах всегда особо подчеркивал, чтобы мы внимательнее и аккуратнее обращались с геологическими отчетами геологов-производственников, считаясь с их мнением и не забывая на них ссылаться.

Когда Ю.А. по делам ездил в город на своей машине (личные машины тогда были редкостью, а автобусное сообщение еще не налажено), то заходил в лабораторию и говорил сотрудникам, что он «на колесах» и кому надо в город – отвезет и привезет. Мы иногда пользовались этим, но больше из желания пообщаться и узнать много интересного в попутных разговорах с ним. Чтобы не тратить время на обеденный перерыв, все мы, включая Ю.А., собирались в лаборантской комнате, заваривали чай, делились бутербродами и обменивались новостями. Это было время близкого общения с учителем, когда обсуждались разные события, вопросы житейской и научной этики.

Юрий Алексеевич не был озабочен числом своих публикаций, но все его основные работы, начиная с первых опубликованных отчетов, стали со временем классикой. Читая его труды, ощущаешь, как глубоко продуман материал, отточена каждая фраза, как красив язык! Не случайно на его рабочем столе лежало изречение: «Ясно пишет тот, кто ясно думает». Он не включал себя в публикации своих сотрудников, хотя помогал им советами и редактурой. Быть соавтором соглашался, только если значительная часть (треть) работы сделана им. Использование же его идей и предложений его только радовало: «Если вы не будете их использовать, меня как заведующего лабораторией надо гнать паршивой метлой».

* * *

Почти треть директорского срока Андрея Алексеевича Трофимука я соприкасался с ним по работе. Первый год – как комсомольский секретарь только что созданного ИГиГ с его директором, следующие три года – в качестве первого секретаря Комитета ВЛКСМ СО АН с заместителем председателя СО АН. Практически ежедневно приходилось контактировать, когда я был ученым секретарем (1974–1981), а затем секретарем партбюро ИГиГ (1984–1987). И в эти и в последующие годы у меня с ним были самые доверительные и взаимно уважительные отношения, хотя я всегда сознавал разницу в нашем возрасте и положении: был рядом, но на расстоянии.

Ученый секретарь – административная должность, привязанная к директору и ученому совету института. В то же время ученый секретарь постоянно общается с руководителями отделов, лабораторий и научным персоналом. Если работать с полной отдачей в институте с числом сотрудников больше 1200, то ни на что другое времени уже не остается; я занимался этими делами обычно с 8 до 23 часов.

С.М. Николаев и А.Е. Телешев в поле. 1962 г.

А.А. Трофимук и первый секретарь Новосибирского ОК КПСС А.П. Филатов. 1985 г.

Умение установить хороший контакт с собеседником

В Андрее Алексеевиче меня поражало удивительное соединение столь редких для одного человека ценных качеств – большого учебного, талантливого организатора науки и производства, мудрого наставника, высокопринципального государственного и политического деятеля. Он обладал завидной внутренней организованностью, самодисциплиной и пунктуальностью. Об этом говорит раз и навсегда заведенный им распорядок дня. В 6.00 – подъем, 30–40 минут хорошей зарядки, по возможности на свежем воздухе, холодный душ, завтрак, просмотр свежих газет, работа над очередной статьей, и за 20–30 минут до начала рабочего дня он уже в своем кабинете. Если требовалось согласовать с ним срочный вопрос, это было лучшее, ни за кем «не записанное» время для встреч. Многие сотрудники этим пользовались, часто вылавливая А.А. еще в вестибюле, продолжали разговор, поднимаясь по лестнице, и завершали уже в кабинете.

При организации своего детища – ИГиГ, приглашая сотрудников высшего и среднего звена, он учитывал не только их квалификацию, но и умение работать в тесном контакте с другими. Дразг и склок в научных коллективах не любил и не терпел, отождествляя их с раковой опухолью или ржавчиной. От сотрудников, склонных к таким недугам, он быстро и безжалостно избавлялся. По той же причине настаивал, чтобы жены заведующих лабораториями были в штате других подразделений. И неоднократно в разговорах подчеркивал, что его жена ни дня не работала ни в институтах, ни в лабораториях, которыми он когда-либо руководил. А.А. всегда с уважением относился к коллегиальному мнению ученого совета и неоднократно говорил, что за всю свою научно-административную деятельность никогда не принимал ни одного решения против воли совета, в противном случае считал бы необходимым уйти с поста директора.

В силу этих и других его принципов в ИГиГ всегда был здоровый микроклимат, обеспечивший и высокие научные результаты. Этому способствовало и то, что в институте были собраны представители разных школ: по моим подсчетам, в 1970-х годах здесь работали выпускники 90 вузов и 50 техникумов. Ровно, не проявляя своих пристрастий, А.А. относился и к развитию самых разных научных направлений, поощряя и всемерно поддерживая успешные исследования и коллективы. На заданный однажды мной вопрос, почему нефтяной отдел, которым он официально руководит, не имеет его особой поддержки, ответил, что не должен и не может «тянуть одеяло на себя».

Будучи человеком немногословным, А.А. не терпел многословия от других, быстро схватывал суть дела, иногда прерывая слишком разговорчивого собеседника, и принимал радикальное решение. Не любил он и посторонних документов, поступавших к нему для ознакомления и визирования. Его рабочий день был распланирован заранее, и меня удивляло присущее ему чувство времени. Не глядя на часы, за пару минут до очередного визитера он заканчивал беседу и подводил ее итог:

Беседа в Доме ученых. Слева направо: академик А.П. Окладников, первый секретарь ОК КПСС Ф.С. Горячев, академик А.А. Трофимук, ..., Председатель Совмина СССР А.Н. Косыгин. 1969 г.

умел ценить и чужое время – качество довольно редкое в наши дни. Все, что планировал сделать и что было сделано, ежедневно фиксировал мелким почерком в своих рабочих записных книжках, с которыми советую познакомиться в мемориальном кабинете-библиотеке А.А. Трофимука. По ним не стоило труда восстановить любой его рабочий день спустя годы. Такой пунктуальности и педантизма я ни у кого больше не видел, и трудно как-то представить эти черты у коренастого русского мужичка, каким внешне выглядел Андрей Алексеевич. Несколько раз я пытался последовать его примеру и наладить такой же учет – терпения хватало лишь на три дня.

У него все было систематизировано, разложено по своим полочкам, легко доступно для работы – научная литература, документы, рукописи, инструментарий. Хорошо ориентируясь в своих папках, он неоднократно в моем присутствии за пару минут находил нужный материал или документ. Помню, еще в конце 1960-х в его московской квартире меня поразила полка в нише, заставленная десятками металлических коробочек с разными по размерам болтиками, гвоздиками, шурупами. Чтобы каждый раз не перетряхивать их в поисках нужного, на крышках были приклеены образцы.

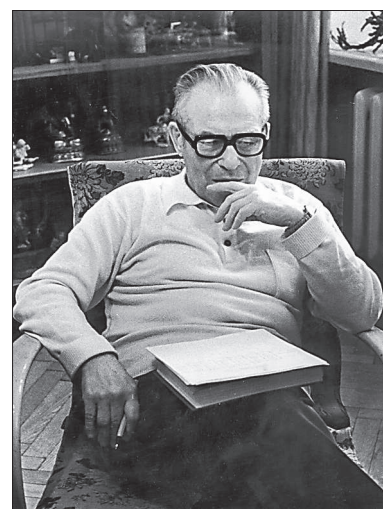
Для срочных выездов в командировки у него всегда был готов специальный кейс со всем необходимым, поэтому и сборы занимали несколько минут. Порой у меня возникала мысль, не идет ли эта привычка с тех лет, когда судьба Андрея Алексеевича, по его воспоминаниям, несколько раз висела на волоске: он не боялся идти на неизбежный в его профессии риск ответственного решения или прогноза, а в те годы это было чревато суровыми последствиями. Он часто говорил: чтобы поднять на должный уровень нашу экономику, надо работать сейчас так, как во время войны, когда мы за год строили или поднимали из руин целый завод, а сегодня за это же время в лучшем случае успеваем ставить забор или сарай. Сам он работал всегда именно в таком, можно сказать, военном режиме.

Для высоких чиновников А.А. Трофимук был очень неудобным человеком, он не заискивал перед ними, а всегда настаивал на своем, пытаясь убедить в своей правоте. Я был невольным свидетелем его резких телефонных разговоров с высоким начальством, читал стенограммы его выступлений по проблемам Байкала на заседаниях Президиума АН СССР и в других высоких инстанциях. Поэтому у А.А. в высших сферах было немало недоброжелателей, о чем он сам не раз говорил.

Похоже, ни разу в жизни А.А. не опоздал на работу, поэтому относился к трудовому режиму очень взыскательно, особенно если не находил нужного ему в данный момент сотрудника. Вместе с тем сотрудникам разрешалось, по согласованию с ведущими лабораториями, сдвигать часы своей работы. А.А. настаивал на том, чтобы первую половину рабочего дня сотрудники целиком отдавали творчеству, а не занимались хождениями, неслужебными разговорами, в том числе по телефону.

Чтение свежих газет – правило для Андрея Алексеевича

А.А. Трофимук обдумывает план очередной статьи

А.А. Трофимук докладывает коллективу о результатах годовой деятельности ИГиГ. 1984 г.

Академики А.А. Трофимук и В.А. Коптюг

Регулярно, два-три раза в год, Андрей Алексеевич выступал перед коллективом института с отчетами как директор и как депутат Верховного Совета РСФСР. Кроме того, встречался с коллективом по праздникам и непременно в День геолога, на профсоюзных и открытых партсобраниях и т. д. Он не был красноречив, более того, его выступления порой казались тяжеловатыми, особенно в первые минуты, но всегда были эмоциональными, доходчивыми, убедительными и конструктивными. В обиходе он умел работать с людьми разного ранга и служебного положения – от рабочего до академика. А руководить институтом, где одновременно работали десять членов Академии – выдающихся представителей советской геологии, в те годы было по силам, наверное, только А.А. Трофимуку.

Андрей Алексеевич беззаветно любил природу Сибири и неоднократно говорил, что переезд в Сибирь добавил к его жизни минимум десять лет. Поэтому так яростно защищал от бездумной технократии: огромные таежные массивы – от затопления, Байкал – от загрязнения и т. д. В начале 1970-х годов над Байкалом сгустились тяжелые тучи широкомасштабного промышленного наступления, и руководство Лимнологического института СО АН СССР, препятствующее этому, обвинялось высоким областным начальством чуть ли не во вредительстве. А.А. Трофимук немедленно выступил на защиту Байкала и подал беспрецедентное заявление с просьбой о переводе его на должность директора Лимнологического института, дабы не дать окончательно погубить чудо-озеро. Это заявление и его бескомпромиссные действия, как и других сибирских ученых, по защите Байкала оказались весьма действенными и помогли сохранить его.

Работать с Андреем Алексеевичем было одновременно легко и трудно. Легко потому, что он был лишен каприза, действия его были логически предсказуемы; он четко и лаконично задавал алгоритм, не вникая в мелочи, решения его были радикальными, поступки – последовательными, гарантии – неизменными. Трудно потому, что он порой по горло загружал работой, не задумываясь о ее трудности, и требовал исполнения. При этом был достаточно сдержан и скуп в выражении благодарнос-

А.А. Трофимук со своим шофером И. Мулярчиком

ти за хорошо выполненную работу, считая, что это долг и неременная обязанность каждого. Вместе с тем он был внимателен к нуждам своих сотрудников. Однако обещал помочь только в тех случаях, когда был уверен в действенности своей поддержки, поскольку обещания любил выполнять.

В домашней обстановке, в кругу своих друзей и близких коллег, Андрей Алексеевич с Аминой Тауфикиной были исключительно гостеприимной и хлебосольной парой. А.А. был не прочь вместе с гостями выпить несколько рюмочек водочки или домашней настойки на кедровых орешках, клюкве, женьшене, любил хорошую шутку, остроумный афоризм и анекдот, застольные песни, хотя музыкального слуха у него абсолютно не было. Правда, его репертуар был невелик и все годы один и тот же: «Котелок», «Трубачи» и шуточная «...и дойдем до самой до Чикаги, через реки, горы и овраги»). Пел – практически декламировал – всегда самозабвенно, дирижуя и призывая всех дружно подпевать. Вспоминаются многие эпизоды общения.

- Предновогодняя суета 31 декабря 1978 г.; 15.00 – во всех лабораториях праздничное гудение, а в кабинете шефа – рабочее заседание без малейшего намека на приближающийся Новый год. Обсуждается кандидатура Г.В. Полякова на должность заместителя директора. Заглянув в кабинет и увидев всех членов Академии ИГиГ в сборе, кинулся искать хорошего фотографа. По соседству нашел Мишу Левчука, произносящего очередной тост. Несмотря на бурные протесты всего лабораторного застолья, заставил срочно зарядить фотоаппарат и подойти в приемную. Извинившись за вторжение к академикам, попросил разрешения использовать редкую возможность и сделать серию фотоснимков. Все оживились и с удовольствием согласились. Миша отснял тогда около двадцати редкостных кадров из серии «Геологический штаб Сибири».

- Если рабочее заседание в кабинете директора сильно задерживалось, прихватывая обеденный перерыв, он вызывал меня, выдавал солидную сумму и просил организовать вкусные бутерброды, чай и кофе. Я созванивался со столовой ДУ, посылал женскую бригаду на директорской машине. Устраивали маленький перерыв, и вскоре заседание продолжалось. Когда мы на месяц поехали с выставкой в Финляндию (1981 г.), у нас на таможне «завернули» почти все взятые с собой продукты. Приехавший на открытие выставки А.А. Трофимук, пользуясь дипломатическим паспортом, привез с собой массу вкусностей, так что мы смогли даже организовать небольшой фуршет с приглашением иностранцев. Примерно то же повторилось в нашей поездке во Францию.

- День рождения Андрея Алексеевича, август 1985 г. ЦК КПСС уже принял знаменитое постановление о борьбе за трезвость. Я пришел поздравить его домой. В саду у костра, где колдует за шашлыками его сын Андрей, накрыт праздничный стол, близкое окружение именинника чинно пьет чай из пиал. На столе – самовар и большой фарфоровый чайник для заварки, возле которых орудует самый верный помощник, шофер Иван Мулярич. Ваня спрашивает, какой крепости чай я люблю, и соответственно наполняет пиалу. Наливает побольше заварки, из самовара – кипяток,

Амина Тауфикиновна и Андрей Алексеевич: 50 лет вместе. 1994 г.

«С Днем геолога!»

А.А. Трофимук на выставке геологического музея ИГиГ в Хельсинки. 1981 г.

Большой жизнелюб

Андрей приносит палочку шашлыка... Оказывается, в самовар налита водка, в чайник – бальзам «Сибирь». Со стороны это выглядит вполне благопристойно, а Андрей Алексеевич несколько сконфуженно говорит: «Не могу же я демонстрировать свое несогласие с партийными решениями».

* * *

Мне повезло в том, что работа ученого секретаря свела меня со многими замечательными людьми Сибирского отделения и нашего института. Оглядываясь назад на прошедшие годы, вижу перед собой пожилые и молодые некогда лица сотрудников. С большой грустью вспоминаю облик ушедших, манеру их разговора и поведения, шутки и смех в моменты общения. И чем старше становишься – тем больше таких потерь и острее грусть. Мне представляется, что в наших институтах (ИГМ и ИНГГ) должна существовать и постоянно подновляться своеобразная книга-летопись памяти о сотрудниках, где были бы указаны основные жизненные даты и итоги их деятельности. Для ветеранов Великой Отечественной войны и тыла, в основном стараниями и энергией Бориса Сергеевича Вахтина, такая работа проделана. Достойны памяти и ветераны следующего поколения.

Стоит поблагодарить руководство наших институтов, решившее подвести итоги совместной 50-летней деятельности: все эти годы мы были одним коллективом, думаю, что и в будущем останемся одним неформальным коллективом. Созданный нами сайт Истории ИГиГ (<http://photo.igm.nsc.ru>) с 5300 фотографиями, две книги – одна с итоговыми результатами научных достижений за 50-летие, другая – в фотографиях и воспоминаниях – все это свидетельство того, что мы живем настоящим, но не забываем и прошлое, помним о тех, кто были первыми. Очень хочется, чтобы последующие поколения сотрудников не забывали тех, кто работал здесь раньше. Убежден, что эти материалы были бы горячо поддержаны А.А. Трофимук. Как искренне он радовался, когда нам удалось по двум пятилеткам (1971–1975 и 1976–1980 гг.) свести итоги НИР по всем научным направлениям института по 12 ротاپринтным научным сборникам, собранным воедино. Он мечтал увидеть и хорошую книгу об институте, его суммарных научных достижениях, истории и коллективе. У меня даже сохранился проект макета написания такой книги с его собственноручной правкой.

Николаев Станислав Михайлович – канд. геол.-мин. наук, ст. науч. сотрудник ИГМ, ветеран ИГиГ (работает с 1957 г.)